Когда мать Линь закончила сборы и собралась уходить из дома Фан, бабушка Фан, что было совершенно на неё не похоже, взяла два яблока и попыталась сунуть их Линь Цинфэн. Однако, заметив выражение лица девушки, она поспешно переложила их в руки матери. Мать Линь, разумеется, принялась отказываться. У дверей началось оживленное препирательство: они вежливо и настойчиво перекладывали яблоки друг другу. Линь Цинфэн не обратила на это ни малейшего внимания, развернулась и вышла прочь. Матери пришлось, прихватив злополучные фрукты, поспешно догонять дочь. Подумать только, два яблока — и это после того, как мать потратила на них десятки тысяч! Непонятно, к чему был весь этот спектакль с любезностями.

Вернувшись в уезд Линь, Цинфэн прямиком направилась в свою комнату, не испытывая ни малейшего желания разговаривать с матерью. Всю дорогу мать наблюдала за холодным лицом дочери, порываясь сгладить углы и поговорить по душам, но опасалась, что та начнет скандалить прямо на улице. Пришлось терпеть до самого дома. Каково же было её удивление, когда дочь, едва войдя, заперлась в своей комнате. Даже ужин, на который Цинфэн обычно всегда откликалась с готовностью, не смог выманить её наружу — стало ясно, что девушка всерьез разозлилась.

Мать Линь решила, что дочери нужно остыть за ночь, но на следующее утро та не вышла даже к завтраку. Испугавшись, что с ней что-то случилось, мать поспешно открыла дверь запасным ключом. Цинфэн лежала на кровати, отвернувшись к стене. Мать сходила на кухню, принесла миску только что приготовленного супа с фрикадельками и, поставив её на письменный стол, тихо позвала дочь.

Цинфэн, терзаемая обидой, полночи не могла сомкнуть глаз и провалилась в сон только под утро. Из-за чуткого сна она мгновенно проснулась от шума открываемой двери. Раздраженная прерванным сном, она не хотела разговаривать с матерью. Чем настойчивее та звала, тем сильнее Цинфэн закутывалась в одеяло, стараясь спрятаться от всего мира.

Делать было нечего, и мать села на край кровати, обращаясь к кокону из одеяла:

— Цинфэн, не переживай из-за учебы. Как бы тяжело мне ни пришлось, я не допущу, чтобы ты в чем-то нуждалась. Просто будь спокойна, отдыхай, а когда наступит время, я с радостью провожу тебя в университет. Не забивай голову домашними проблемами, пока я рядом, всё будет хорошо!

Цинфэн по натуре не была черствой, и от этих слов её решимость начала таять, а глаза предательски защипало от слез. Но стоило вспомнить об обещании матери семье Фан, как сердце снова ожесточилось. Она не собиралась идти на попятную. В сберегательной книжке матери было всего около трех тысяч юаней — этого едва хватало на жизнь, как же она собирается оплачивать обучение двоих детей? Все эти годы, чтобы расплатиться с тетей Хань, мать экономила на всем: пучок овощей делила на три приема пищи, а миску утиного супа разогревала неделю, жалея вылить. А ведь в тот день, когда приезжала Фан Фан, мать наверняка потратила бюджет на питание почти на полгода вперед! И теперь она собирается оплачивать еще и её учебу? Неужели она всерьез намерена распродать золото, чтобы собрать деньги? А что будет в следующем году? Продаст дом или почку?

Цинфэн рывком сбросила одеяло, собираясь высказать всё в лицо, но, увидев покрасневшие

глаза матери, не смогла произнести ничего резкого. Она лишь спросила:

— В этом году у тебя еще была золотая цепочка, чтобы её продать, а в следующем? Что ты собираешься продавать тогда?

Мать Линь на мгновение опешила:

— О следующем годе будем думать в следующем году. К тому же, с этого года нам больше не нужно отдавать долги твоей тете, к концу года всегда будут оставаться лишние деньги.

Цинфэн широко распахнула глаза:

— Тебя обводили вокруг пальца целый год, и ты собираешься позволить им делать это снова? Ты что, собираешься содержать её все четыре года университета? А как же я? Кому есть дело до того, выживу я или нет?

Мать Линь вздохнула, глядя на дочь:

— Я всегда буду ставить твои интересы на первое место. Не бойся, я не дам тебе страдать!

Цинфэн вскочила с кровати:

— А разве я мало страдала с самого детства? Было ли хоть что-то из еды или одежды, что доставалось мне не после того, как Фан Фан выберет себе лучшее? Фан Фан вовсе не обязана учиться в этом частном вузе, есть же государственные институты за четыре-пять тысяч, разве она не могла пойти туда? Почему ей так везет? Это вы все избаловали её до такой степени, что у неё развилась мания величия. Хотите нянчиться с ней как с принцессой — пожалуйста, я не против, но я не хочу быть служанкой, которая доедает за ней объедки!

http://bllate.org/book/21753/2249215